

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Первая книга. Белая дьяволица</i>	3
<i>Вторая книга. Ессе deus — ессе homo</i>	45
<i>Третья книга. Ядовитые плоды</i>	73
<i>Четвертая книга. Шабаш ведьм</i>	106
<i>Пятая книга. Да будет воля твоя</i>	134
<i>Шестая книга. Дневник Джованни Бельтраффио</i>	167
<i>Седьмая книга. Сожжение сует</i>	212
<i>Восьмая книга. Золотой век</i>	246
<i>Девятая книга. Двойники</i>	300
<i>Десятая книга. Тихие волны</i>	370
<i>Одиннадцатая книга. Будут крылья</i>	425
<i>Двенадцатая книга. Или цезарь — или ничто</i>	460
<i>Тринадцатая книга. Багряный зверь</i>	527
<i>Четырнадцатая книга. Мона Лиза Джоконда</i>	567
<i>Пятнадцатая книга. Святейшая инквизиция</i>	613
<i>Шестнадцатая книга. Леонардо, Микеланджело и Рафаэль</i>	656
<i>Семнадцатая книга. Смерть. — Крылатый предтеча</i>	691

ПЕРВАЯ КНИГА

БЕЛАЯ ДЬЯВОЛИЦА

I

Во Флоренции, рядом с каноникой Орсанмикеле, находились товарные склады цеха красильщиков.

Неуклюжие пристройки, клетки, неровные выступы на косых деревянных подпорах лепились к домам, сходясь вверху черепичными кровлями так близко, что от неба оставалась лишь узкая щель и на улице, даже днем, было темно. У входа в лавки висели на перекладинах образчики тканей заграничной шерсти, крашенной во Флоренции. В канаве посередине улицы, мощенной плоскими камнями, струились разноцветные жидкости, выливаемые из красильных чанов. Над дверями главных складов-фондаков виднелись щиты с гербом Калималы, цеха красильщиков: в алом поле золотой орел на круглом тюке белой шерсти.

В одном из фондаков сидел окруженный торговыми записями и толстыми счетными книгами богатый флорентинский купец, консул благородного искусства Калималы — мессер Чиприано Буонаккорзи.

В холодном свете мартовского дня, в дыхании сырости, веявшей из подвалов, загроможденных товарами, старик зяб и кутался в облезлую беличью шубу с истертыми локтями. Гусиное перо торчало у него за ухом, и слабыми, близорукими, 3

но всевидящими глазами он просматривал, как будто небрежно, на самом деле внимательно, пергаментные листки громадной счетной книги, страницы, разделенные продольными и поперечными графами: справа — «дать», слева — «иметь». Записи товаров сделаны были ровным, круглым почерком, без прописных букв, без точек и запятых, с цифрами римскими, отнюдь не арабскими, считавшимися легкомысленным новшеством, непристойным для деловых книг. На первой странице было написано большими буквами:

«Во имя Господа нашего Иисуса Христа и Приснодевы Марии счетная книга сия начинается лета от Рождества Христова тысяча четыреста девяносто четвертого».

Окончив просмотр последних записей и тщательно исправив ошибку в числе принятых под залог шерстяного товара лаштов продолговатого стручкового перцу, меккского имбирю и вязок корицы, мессер Чиприано с усталым видом откинулся на спинку стула, закрыл глаза и начал обдумывать деловое письмо, которое предстояло ему послать главному приказчику на суконную ярмарку во Франции, в Монпелье.

Кто-то вошел в лавку. Старик открыл глаза и увидел своего мызника, поселянина Грилло, который снимал у него пахотную землю и виноградники на подгорной вилле Сан-Джервазио, в долине Муньоне.

Грилло кланялся, держа в руках корзину с яйцами, старательно переложенными соломою. У пояса его болтались два живых молоденьких петушка на связанных лапках, хохолками вниз.

— А, Грилло! — молвил Буонаккорзи со свойственной ему любезностью, одинаковою в обращении с малыми и великими. — Как Господь милует? Кажется, нынче весна дружная?

— Нам, старикам, мессере Чиприано, и весна не в радость: кости ноют — в могилу просятся.

— Вот к Светлому празднику, — прибавил он, помолчав, — яичек да петушков вашей милости принес.

Грилло с хитрою ласковостью шурил свои зеленоватые глазки, собирая вокруг них мелкие загорелые морщины, какие бывают у людей, привыкших к солнцу и ветру.

Буонаккорзи, поблагодарив старика, начал спрашивать о делах:

— Ну что, готовы ли работники на мызе? Успеем ли кончить до свету?

Грилло тяжело вздохнул и задумался, опираясь на палку, которую держал в руках.

— Все готово, и работников довольно. Только вот что я вам доложу, мессере: не лучше ли подождать?

— Ты же сам, старик, намедни говорил, что ждать нельзя, — может кто-нибудь раньше догадаться.

— Так-то оно так, а все-таки страшно. Грех! Дни нынче святые, постные, а дело наше неладное...

— Ну, грех я на свою душу беру. Не бойся, я тебя не выдам. Только найдем ли что-нибудь?

— Как не найти! На то приметы есть. Отцы и деды знали о холме за мельницей у Мокрой Лощины. По ночам на Сан-Джованни огоньки бегают. И то сказать: у нас этой дряни всюду много. Вот, говорят, недавно, как рыли колодец в винограднике у Мариньолы, целого черта вытащили из глины...

— Что ты говоришь? Какого черта?

— Медного, с рогами. Ноги шершавые, козлиные, — на концах копыта. А рыльце веселое, — точно смеется; на одной ноге пляшет, пальцами прищелкивает. От старости весь позеленел, замшился.

— Что же с ним сделали?

— Колокол отлили для новой часовни Архангела Михаила.

Мессер Чиприано едва не рассердился:

— Зачем же ты об этом раньше не сказал мне,

Грилло?

— Вы в Сиену по делам уезжали.

— Ну, написал бы. Я бы прислал кого-нибудь. Сам приехал бы, никаких денег не пожалел бы, десять колоколов отлил бы им. Дураки! Колокол — из пляшущего Фавна, — быть может, древнего эллинского ваятеля Скопаса...

— Да, уж подлинно — дураки. Только не извольте гневаться, мессере Чиприано. Они и так наказаны: с тех пор, как новый колокол повесили, два года червь в садах яблоки и вишни ест да на оливы неурожай. И голос у колокола нехороший.

— Почему же нехороший?

— Как вам сказать? Настоящего звука нет. Сердца христианского не радует. Так что-то болтает без толку. Дело известное: какой же из черта колокол! Не во гнев будь сказано вашей милости, мессере, священник-то, пожалуй, прав: из всей этой нечисти, что выкапывают, ничего не выходит доброго. Тут надо вести дело с осторожностью, с оглядкой. Крестом и молитвою ограждаться, ибо силен дьявол и хитер, собачий сын, — в одно ухо влезет, в другое вылезет! Вот хотя бы с этой мраморной рукой, что в прошлом году Закелло у Мельничного Холма вырыл, — попутал нас нечистый, нажили мы с нею беды, не дай бог, — и вспомнить страшно...

— Расскажи-ка, Грилло, как ты нашел ее?

— Дело было осенью, накануне святого Мартина. Сели мы ужинать, и только что хозяйка поставила на стол тюрю из хлеба, — вбегает в горницу работник, кумов племянник, Закелло. А надо вам сказать, что я в тот вечер в поле его оставил, у Мельничного Холма, оливковую корчагу выворачивать, — коноплею то место хотел засеять. «Хозяин, а, хозяин!» — лопочет Закелло, и лица на нем нет: весь трясется, зуб на зуб не попадает. «Господь с тобой, малый!» — «Недоброе, говорит, в поле творится: покойник из-под корчаги вылезает. Если не верите, пойдите сами посмотрите». Взяли мы фонари и пошли.

Стемнело. Месяц встал из-за рощи. Видим — корчага; рядом земля разрыта, и что-то в ней белеет. Наклонился, смотрю — рука из земли торчит, белая, и пальцы красивые, тонкие, как у девушек городских. «Ах, пострел тебя возьми, думаю, это что за чертовщина?» Опустил фонарь в яму, чтобы лучше рассмотреть, а рука-то зашевелилась, пальчиками манит. Тут уж я не стерпел, закричал, ноги подкосились. А мона Бонда, бабушка, — она у нас знахарка и повитуха, бодрая, хоть и древняя старушка: «Чего вы все испугались, дураки, говорит, разве не видите — рука не живая и не мертвая, а каменная». Ухватилась, дернула и вытащила из земли, как репу. Повыше кисти в суставе рука была сломана. «Бабушка, кричу, ой, бабушка, оставь, не тронь, зароем поскорее в землю, а то как бы беды не нажить». — «Нет, говорит, так не ладно, а надо сначала в церковь священнику отнести, пусть он заклятие прочтет». Обманула меня старуха: священнику руки не отнесла, а в свой ларь в углу спрятала, где у нее всякая рухлядь — тряпочки, мази, травы и ладанки. Я бранился, чтобы руку отдала, но мона Бонда заупрямилась. И стала с тех пор бабушка чудесные творить исцеления. Заболят ли у кого зубы — идольской рукой прикоснется к щеке, и опухоль опадет. От лихорадки, от живота, от падухой помогала. Ежели корова мучится, не может отелиться, бабушка ей на брюхо каменную руку положит, корова замычит, и смотришь — теленочек уже в соломе копошится.

Молва по окрестным селениям пошла. Много денег в то время набрала старуха. Только проку не вышло. Священник, отец Фаустино, не давал мне спуска: в церковь пойду — он меня на проповеди при всех укоряет, Сыном погибели называл, слугою дьявола, епископу грозил пожаловаться, св. Причастия лишить. Мальчишки за мною по улице бегали, пальцами указывали: «Вон идет Грилло, сам Грилло колдун, а бабушка у него ведьма, оба

душу черту продали». Верите ли, даже по ночам не было покоя: все мраморная рука мерещится, будто бы подбирается, тихонько за шею берет, точно ласкает, пальцы холодные, длинные, а потом как вдруг схватит, стиснет горло, начнет душить, — хочу крикнуть и не могу.

Э, думаю, шутки-то плохи. Встал я раз до свету и, как бабушка на лугу по росе пошла травы собирать, выломал замок у ларя, взял руку и вам отнес. Хотя старьевщик Лотто десять сольдов давал, а от вас получил я только восемь, да для вашей милости мы не то что двух сольдов, а и живота своего не пожалеем, — пошли вам Господь всякого благовремения, и мадонне Анджелике, и деткам, и внукам вашим.

— Да, судя по всему, что ты рассказываешь, Грилло, мы что-нибудь найдем в Мельничном Холме, — произнес мессер Чиприано в раздумье.

— Найти-то найдем, — продолжал старик, опять тяжело вздохнув, — только вот как бы отец Фаустино не пронюхал. Ежели узнает — расчешет он мне голову без гребня так, что не поздоровится, да и вам помешает: народ взбунтует, работы кончить не даст. Ну, да Бог милостив. Только уж и вы меня не оставьте, благодетель, замолвите словечко у судьи.

— Это насчет того куска земли, который у тебя мельник хочет оттягать?

— Точно так, мессере. Мельник — жила, пройдоха. Знает, где у черта хвост. Я, видите ли, телку судье подарил, и он ему — телку, да стельную. Во время тяжбы она возьми и отелись. Перехитрил меня, плут. Вот я и боюсь, как бы судья не решил в его пользу, потому что телка-то бычком отелилась на грех. Уж заступитесь, отец родной! Я ведь это только для вашей милости с Мельничным Холмом стараюсь, — ни для кого такого греха на душу не взял бы...

— Будь покоен, Грилло. Судья — мой приятель, и я за тебя похлопочу. А теперь ступай. На кух-

не тебя накормят и вином угостят. Сегодня ночью мы вместе едем в Сан-Джервазио.

Старик, низко кланяясь, поблагодарил и ушел, а мессер Чиприано удалился в свою маленькую рабочую комнату, рядом с лавкой, куда никто не имел позволения входить.

Здесь, как в музее, расставлены и развешаны были по стенам мраморы и бронзы. Древние монеты и медали красовались на досках, обшитых сукном. Обломки статуй, еще не разобранные, лежали в ящиках. Через свои многочисленные торговые конторы выписывал он древности отовсюду, где можно было их найти: из Афин, Смирны и Галикарнасса, с Кипра, Левкозии и Родоса, из глубины Египта и Малой Азии.

Оглянув сокровища свои, консул Калималы снова погрузился в строгие, важные мысли о таможенном налоге на шерсть и, все окончательно обдумав, стал сочинять письмо доверенному в Монпелье.

II

В это время, в глубине склада, где тюки товара, наваленные до потолка, и днем освещались только лампадою, мерцавшею перед Мадонною, беседовали трое молодых людей: Доффо, Антонио и Джованни. Доффо, приказчик мессера Буонаккорзи, с рыжими волосами, курносый и добродушно-веселый, записывал в книгу число локтей смиренного сукна. Антонио да Винчи, старообразный юноша, со стеклянными рыбьими глазами, с упрямо торчащими космами жидких черных волос, проворно мерил ткань флорентинскою мерою — канною. Джованни Бельтраффио, ученик живописи, приехавший из Милана, юноша лет девятнадцати, робкий и застенчивый, с большими, невинными и печальными серыми глазами, с нерешительным выражением лица, сидел на готовом тюке, закинув ногу на ногу, и внимательно слушал.

— Вот до чего, братцы, дожили, — говорил Антонио тихо и злобно, — языческих богов из земли стали выкапывать!

— Шотландской шерсти с ворсом, коричневой — тридцать два локтя шесть пяденей восемь ончий, — прибавил он, обращаясь к Доффо, и тот записал в товарную книгу. Потом, свернув смиренный кусок, Антонио бросил его сердито, но ловко, так что он попал как раз туда, куда нужно, и, подняв указательный палец, с пророческим видом, подражая брату Джироламо Савонароле, воскликнул:

— *Gladus Dei super terram cito et velociter!*¹ Святому Иоанну на Патмосе было видение: ангел взял дракона, змия древнего, который есть дьявол, и сковал его на тысячу лет, и низверг в бездну, и заключил, и положил над ним печать, дабы не прельщал народы, доколе не кончится тысяча лет, время и полвремени. Ныне сатана освобождается из темницы. Окончилась тысяча лет. Ложные боги, предтечи и слуги Антихриста, выходят из земли, из-под печати ангела, дабы обольщать народы. Горе живущим на земле и на море!..

— Желтого, брабантской шерсти, гладкого — семнадцать локтей четыре пядени девять ончий.

— Как же вы разумеете, Антонио, — произнес Джованни с боязливым и жадным любопытством, — все эти знамения свидетельствуют?..

— Да, да. Не иначе. Бодрствуйте! Время близко. И теперь уже не только древних богов выкапывают, но и новых творят, наподобие древних. Нынешние ваятели и живописцы служат Молоху, то есть дьяволу. Из церкви Господней делают храм сатаны. На иконах, под видом мучеников и святых, нечистых богов изображают, коим поклоняются: вместо Иоанна Предтечи — Вакха, вместо Матери Божьей — блудницу Венеру. Сжечь бы такие картины и по ветру пепел развеять!

10 ¹ Меч Божий над землей стремительно и скоро! (*лат.*)